
Письмо в редакцию

Мы с недоумением прочитали во втором номере РАЕ рецензию С. В. Воронятова на монографию «Поздnezарубинецкие памятники на территории Украины» (Воронятов 2012), авторами большинства разделов которой мы являемся. Недоумение было вызвано не критическим тоном рецензии. Как раз критику в смысле честной дискуссии по спорным вопросам можно только приветствовать. Однако С. В. Воронятов, сделав вывод, что монография не удалась, и что-нибудь постоянно критикуя в любом месте текста рецензии, ни с одним из принципиальных положений книги не спорит. Чтобы не быть голословными, рассмотрим замечания рецензента.

Во введении в монографию, по мнению С. В. Воронятова, не был раскрыт тезис о том, что миграции потомков зарубинецкого населения во время распада зарубинецкой культуры послужили первыми импульсами, приведшими в конечном итоге к формированию раннесредневековых славянских культур. Странно, что С. В. Воронятов не обратил внимания на седьмую главу монографии, которая фактически вся посвящена обоснованию этого тезиса.

В разделе об историографии рассмотрены все основные направления в изучении поздnezарубинецких памятников. Специалистов, которые их исследовали, было много, их позиции достаточно сильно различались, что вполне естественно. С. В. Воронятов защищает М. Б. Щукина, точка зрения которого на постзарубинецкие памятники, по его мнению, изложена неправильно. Отметим, что М. Б. Щукин включал в это понятие не только древности горизонта Рахны-Почеп, т. е. бассейна Южного Буга и Подесенья, но и среднеднепровские памятники (Лютещ, Новые Безрадичи), древности юга лесной зоны (Гриневичи Вельки, Абидня), «зарубинецко-липицкие» памятники в верховьях Золотой Липы, «пшеворско-зарубинецкие» (зубрецкие), группу типа Гриней. Дата этого культурно-хронологического горизонта определялась им от распада зарубинецкой культуры 40–70 гг. н. э. до конца II в. применительно к некоторым группам (Щукин 1979: 68, 69, 74; 1986; 1994: 232–236). Статья 1986 г. была для Марка Борисовича своего рода манифестом. Более подробно его точка зрения изложена в монографии «На рубеже эр». Все известные ему памятники зарубинецкой традиции между классическими зарубинецкими и киевской культурой он объединял в общий постзарубинецкий горизонт, подчеркивая различия конкретных групп между собой. Если С. В. Воронятов хочет противопоставить «Рахны-Почеп» с одной стороны и прочие постзарубинецкие памятники, с другой, то это уже его собственная точка зрения. Приписывать ее М. Б. Щукину не нужно.

Нам вменяется в вину желание преувеличить роль А. М. Обломского и Р. В. Терпиловского в выделении и изучении поздnezарубинецких древностей в противовес работам М. Б. Щукина. Это обвинение выглядит весьма странным, поскольку в том же месте рецензии автор возражает против нашей интерпретации работ М. Б. Щукина, т. е. в историографии они все-таки отмечены,

повторим, как и исследования других авторов на ту же тему. Глупо спорить о приоритетах, но единственная специальная монография о позднезарубинецких древностях, опубликованная до последнего времени, была написана именно А. М. Обломским и Р. В. Терпиловским (Обломский, Терпиловский 1991). Отметим, что доклад о позднезарубинецких древностях Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья был прочитан А. М. Обломским в 1985 г. на той же конференции в Куйбышеве, где выступил и М. Б. Щукин с идеей выделения горизонта Рахны-Почеп.

В главе о древностях бассейна Южного Буга опубликованы практически все материалы из раскопок и разведок П. И. Хавлюка, которые сохранились в Винницком краеведческом музее, областном управлении культуры, архиве Института археологии НАН Украины. Даны карта, описание и планы памятников, сооружений, приводятся сведения о постройках, погребальном обряде могильника Рахны, характеристика вещевого комплекса, керамики, рассмотрена хронология древностей бассейна Южного Буга, причем большинство материалов издано впервые. У С. В. Воронятова претензий к этому разделу довольно много: целых три. Принципиально важным автор считает употребление термина не древности «типа Марьяновки», а «памятники типа Рахны». Из Марьяновки, правда, происходит вполне представительная коллекция керамики и вещей, важная для характеристики поселений (а большинство памятников бассейна Южного Буга — селища). В Рахнах же наиболее интересны материалы могильника, который, к сожалению, пока уникален. Точнее было бы употреблять термин «памятники типа Марьяновка — Рахны», он более полно отражает суть явления. Впрочем, спорить о терминах не будем — мы не считаем этот вопрос самым важным.

По мнению С. В. Воронятова, нужно было бы указать, что к зарубинецким П. И. Хавлюк причислял памятники не только Южного Буга, но и частично Среднего Поднепровья. Работы П. И. Хавлюка в нашей монографии изложены довольно подробно. Принадлежность памятников Поднепровья к группе Рахны исследователем никак не обоснована. К зарубинецким П. И. Хавлюк причислял самые разные поселения, в том числе и поморско-подклошевое селище Райки. В главе дается описание именно тех памятников, которые достоверно могут считаться позднезарубинецкими, что специально оговорено. Наконец, о самом существенном замечании С. В. Воронятова: в разделе о древностях Южного Буга нет описания одного из пряслиц из Марьяновки (хотя ссылки на статью, где оно опубликовано, имеются). Этот факт, разумеется, существенно снижает качество главы.

Третья глава монографии посвящена памятникам Среднего Поднепровья, которые делятся на две культурно-хронологические группы: типов Лютеж и Грини. Краткая характеристика древностей региона раннеримского периода была приведена ранее в упомянутой выше книге 1991 г., поэтому в третьей главе сделаны акценты на современную историографию и вопросы хронологии, в частности, специально рассмотрена проблема соотношения поселений с пойменной топографией и классических зарубинецких. Количество ставших к настоящему времени доступными среднеднепровских материалов первых веков н. э. значительно увеличилось. Если в монографии 1991 г. к типу Лютеж отнесены 4 поселения, исследованных раскопками, то в книге 2010 г. приведены данные о 8 селищах, 2 могильниках и о более чем 20 памятниках, известных по разведкам. Характеристика этих материалов приведена как в тексте главы, так и в каталоге.

Замечания, высказанные С. В. Воронятовым к этой главе, вызывают недоумение. Похоже, сам текст работы был прочитан недостаточно внимательно. По его мнению, фибула почепского типа из Коржей отнесена нами ко II в., однако это ошибка: на с. 37–38 монографии, на которые ссылается С. В. Воронятов, ничего подобного не сказано, а указано лишь, что фибула из Коржей обнаружена в ходе разведки.

Поскольку в самом Лютеже украшений с выемчатыми эмалями нет, то, по мнению С. В. Воронятова, памятники типа Лютежа должны относиться к более раннему «доэмалевому» периоду. Находки из Лесек в этом отношении не показательны, поскольку они происходят из сборов. Материалы Лесек, действительно, представляют собой сборы, о чем указано как в публикации памятника, так и в каталоге монографии. Тем не менее, варварские вещи с эмалями на памятниках типа Лютежа все же встречаются. Примером является обломок подковообразной фибулы из Оболини (Луг-4).

С. В. Воронятов выступает против положения, которое он приписывает нам, что металл в Лютеже вырабатывался семьей ремесленников для собственных нужд. Фраза, с которой спорит рецензент, вырвана из контекста. В книге на с. 40–41 приводятся данные обо всем цикле металлургического и кузнечного производства в Лютеже по трем известным по литературе способам расчета производимого за сезон металла. Лютеж интерпретируется как специализированный центр по получению черного металла и его кузнечной обработке. О том, что этот металл потреблялся исключительно проживавшей на территории поселения семьей, в монографии не сказано ни разу.

Кстати, по мнению петербургских коллег (Воронятов, Еременко 2006), этот мощный металлургический центр был основан местным населением для обслуживания сарматов, поскольку именно они были основными потребителями железа и стали, в то время как позднесарубинецкие племена пользовались металлом значительно меньше. Однако в сарматских погребениях Среднего Поднепровья черного металла немного — это мелкие орудия труда, немногочисленные находки оружия и конской сбруи. В то же время, на зарубинецких поселениях встречаются не только ножи и шилья, но и серпы, косы, наконечники копий и др. И уж совсем непонятно, почему основанный по требованию сарматов Лютеж расположен так далеко от мест постоянной дислокации кочевников — в лесной зоне, на севере среднеднепровской группы позднесарубинецких памятников, а не на Южном Буге, Тясмине или Орели?

По мнению С. В. Воронятова, недостаточно внимания уделено пряслицам. При описании днепровских памятников типа Гриней указано, что найденные на них пряслица не отличаются от основного позднесарубинецкого набора, а сам набор не описан. Это не так. Характеристика набора пряслиц памятников Южного Буга дана на с. 25, Среднего Поднепровья — на с. 39, востока Днепровского Левобережья и бассейна Северского Донца — на с. 59. На трех почепских памятниках, известных на территории Украины, пряслиц, которые по контексту находок можно было бы однозначно отнести к первым векам н. э., не было.

С. В. Воронятов отрицает принадлежность белорусских памятников типа Кистени-Чечерск к зарубинецкой культуре. Изучение памятников типа Кистени-Чечерск уже имеет достаточно давнюю историографию. В качестве особой группы классической зарубинецкой культуры, сочетающей в своем составе традиции

древностей круга Горошков-Чаплин и культуры штрихованной керамики, они были выделены в кандидатской диссертации А. М. Обломского в 1983 г. Основная аргументация и выводы опубликованы в монографии А. М. Обломского и Р. В. Терпиловского 1991 г. Впоследствии к материалам этой группы неоднократно обращался А. И. Дробушевский, который проводил самостоятельные раскопки как городищ, так и могильника с сожжениями Юрковичи. В серии обобщающих работ на эту тему он пришел к тем же выводам, что и А. М. Обломский, но на более обширных материалах. Вопрос об интерпретации памятников типа Кистени-Чечерск как раз и мог бы послужить темой для дискуссии, но единственным аргументом в этом отношении, который приводит С. В. Воронятов, является ссылка на мнение М. Б. Щукина, высказанное в его поздних работах, чего явно недостаточно.

Четвертая глава монографии, посвященная памятникам почепского типа, как справедливо отмечает С. В. Воронятов, действительно обзорная, поскольку на Украине известны всего три поселения этой группы, а основной их ареал находится севернее, на территории России. В разделе дана информация не только об этих трех памятниках, но и очерк о почепских древностях в целом. В таблицах обобщены все современные сведения о поселениях на территории Брянской и Орловской обл. России. С. В. Воронятов, вероятно, обиделся на нас за то, что в разделе не в полной мере использована его статья, опубликованная в 2004 г. Это его право, хотя, заметим, статьи Воронятова упомянуты в историографическом обзоре.

О пятой главе монографии, посвященной памятникам типа Картамышево-Терновки, в рецензии С. В. Воронятова сказано мало. Он лишь ставит под сомнение мнение А. М. Обломского (автора главы) относительно хронологии поселения Картамышево-2. Напомним, что А. М. Обломский полемизировал с В. М. Горюновой, считая дату памятника, которую она привела в публикации материалов, несколько завышенной. Аргументация А. М. Обломского С. В. Воронятовым не разбирается.

Шестая глава посвящена планировке и топографии поселений, типам построек. Одной из претензий к ней стал отчасти повторяющийся материал. На наш взгляд, это вполне закономерно: в предыдущих разделах дается общая характеристика локальных вариантов, соответственно туда же входят и общие данные о поселениях. Задачей главы было дать более подробный и развернутый их анализ. Наземные жилища Почепского селища охарактеризованы согласно концепции А. К. Амброза, однако авторы сочли необходимым указать в аналитической части и противоположную точку зрения, впервые высказанную В. Ф. Заверняевым. Наличие противоположных взглядов и определило дискуссионность вопроса. К сожалению, часть тезисов не совсем удачно сформулирована, на что справедливо обратил внимание рецензент.

Седьмая глава монографии — итоговая. Здесь нами рассмотрена роль позднезарубинецкого населения в славянском этногенезе, построена колонка древностей восточной ветви славянского этногенеза по данным археологии: от позднезарубинецкого горизонта до раннесредневековых пеньковской и колочинской культур, изложены воззрения авторов на причины кризиса зарубинецкой культуры. Критика рецензентом этой главы сумбурна, принципиальные вопросы при этом не рассмотрены. Если попытаться структурировать возражения нашего оппонента, то они сводятся к нескольким положениям.

По мнению автора рецензии, мы неправильно цитируем статью Д. А. Мачинского 1976 г. в той части, где он рассматривает локализацию венетов Тацита. «Если Д. А. Мачинский говорит о том, что единственным местом для обитания славян-венетов, как самостоятельной, своеобразной и монолитной этнической группы, остается Припятское Полесье и бассейн Тетерева с некоторыми прилегающими областями... (Мачинский, 1976, с. 96), то соавторы седьмой главы считают возможным удалить из данной цитаты слова «монолитной» и «бассейн Тетерева», а также включить в примыкающие области «всю южную часть лесной зоны Поднепровья вплоть до водораздела Днепра и Верхнего Подонья» (Воронятов 2012: 745). Тем, кто знаком со статьей Д. А. Мачинского, очевидна некоторая (но очень показательная) неточность, допущенная С. В. Воронятовым. Д. А. Мачинский писал, что граница области доминирования венетов по Тациту проходила «в северной части лесостепи, по верхнему течению Южного Буга и, вероятно, несколько севернее Роси выходила к Днепру. Восточная граница венетов по данным письменных источников не улавливается» (Мачинский 1976: 88). То же самое со ссылкой на Д. А. Мачинского сказано и в нашей монографии на с. 94. Цитата из статьи Д. А. Мачинского, которую привел С. В. Воронятов, вырвана из контекста. В этом месте своей статьи (с. 96) Д. А. Мачинский анализировал сведения не Тацита, а более поздние (Иордана). Южная часть лесной зоны Поднепровья до водораздела Днепра и Верхнего Подонья в ареал возможного обитания венетов в поздне-римское время включена нами. Д. А. Мачинскому мы это не приписывали, о чем прямо сказано на с. 94 монографии (есть слова «на наш взгляд»).

Второй момент. У М. Б. Щукина действительно ничего не написано о том, что отправной точкой славянского этногенеза является распад зарубинецкой культуры. С. В. Воронятов приписывает нам неточность изложения взглядов М. Б. Щукина. Однако на с. 98 монографии, на которую он ссылается, сказано лишь, что М. Б. Щукин ввел само понятие распада зарубинецкой культуры. Более подробно роль М. Б. Щукина в изучении позднезарубинецких памятников рассмотрена в историографической главе 1.

Третий момент: о роли сарматских набегов в распаде зарубинецкой культуры. Мы действительно не считаем ее решающей, поскольку это явление затронуло не только юг зарубинецкого ареала, но и всю ее территорию, включая лесную зону, где присутствие сарматов не зафиксировано. Активное освоение позднезарубинецким населением лесостепи и даже некоторых северных степных регионов (например, долины Орели) свидетельствует, скорее, о продвижении потоков зарубинецких племен в области обитания степняков, чем наоборот.

Возражая против этого, С. В. Воронятов указывает, что часть позднезарубинецкого населения могла попасть в зависимость от сарматов. Несомненно, могла, такая модель, действительно, известна. Тема взаимоотношений сарматского и позднезарубинецкого населения пока не раскрыта, она требует специального исследования, одних ссылок на ряд фундаментальных работ о взаимоотношении кочевников и земледельцев явно недостаточно. Заметим, что столь существенного влияния культуры сарматов на позднезарубинецкие памятники, как на позднескифские, нигде не зафиксировано, характер взаимоотношений кочевников и оседлого позднезарубинецкого населения был каким-то другим.

Четвертый момент: о зарубинецком и позднезарубинецком хозяйстве и о роли климатических изменений в распаде зарубинецкой культуры. Зару-

бинецкое население Среднего Поднепровья, действительно, вряд ли «занималось земледелием на площадках городищ» (Воронятов 2012: 746). Здесь С. В. Воронятов абсолютно прав. Кстати, в Среднем Поднепровье известны не только классические зарубинецкие городища, но и селища, расположенные на коренных берегах рек (в том числе и Днепра), что обусловлено не только потребностями обороны, но и общими особенностями ландшафта и почв. Очевидно, возделывались возвышенные участки долины, климатические условия это позволяли. Переход населения на сниженные участки долин начался не с распадом зарубинецкой культуры, а раньше, о чем свидетельствует анализ материалов поселения Оболонь и ряда других (главы 3 и 6). Причиной, очевидно, был не разгром сарматами городищ: параллельно с селищами «пойменной топографии» какое-то время продолжали существовать такие поселения на коренных берегах, как, например, Бабина Гора, Монастырёк, Девич-гора, Ходосовка, о чем сказано в главе 3. Тенденция перехода населения с возвышенных участков речных долин на сниженные вполне согласуются с данными палеоклиматологии о постепенном повышении среднегодовой температуры и снижении влажности ближе к I в. н. э. С. В. Воронятов указывает, что, анализируя причины распада зарубинецкой культуры, не стоит отказываться от данных археологии (Воронятов 2012: 746). Мы-то как раз приводим именно их, а не некоторые общие соображения.

Подводя итоги сказанному, хотелось бы подчеркнуть: есть определенные академические принципы рецензирования. Важнейшим условием является анализ содержания работы. При этом рецензент не должен применять хорошо известный в риторике метод «подмены тезиса», а в споре обязан аргументировать свои возражения. К сожалению, ни один из этих принципов в рецензии С. В. Воронятова не соблюден.

Литература

- Воронятов С. В. 2012. Раннеславянские миры... (Обломский А. М. (ред.) Позднезарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I — II в. н. э.). М.: Институт археологии РАН, 2010, 329 с.) // РАЕ 2, 738–748.
- Воронятов С. В., Еременко В. Е. 2006. Металлургический центр Лютеж, сарматы и образование горизонта Лютеж-Рахны-Почеп: попытка интерпретации // Савинов Д. Г. (ред.). Производственные центры. Источники, «дороги», ареал распространения. СПб., 88–93.
- Обломский А. М., Терпиловский Р. В. 1991. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М.: Наука.
- Щукин М. Б. 1986. Горизонт Рахны-Почеп: причины и условия образования // Матвеева Г. И. (ред.). Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев: Изд-во Куйбышевского ун-та, 26–38.
- Щукин М. Б. 1979. К предыстории черняховской культуры. Тринадцать секвенций // АСГЭ 20, 66–89.
- Щукин М. Б. 1994. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. — I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.: Фарн.

Башкатов Ю. Ю., Обломский А. М., Терпиловский Р. В.